

М. В. Мелихов

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Образ казака в произведениях Смутного времени и повестях Азовского цикла: вымысел и реальность

В статье исследуются идеологические особенности цикла повестей о завоевании запорожскими казаками турецкой крепости Азов в 1637 году и об их «сидении» в осаде в 1641 году. Анализ текстов показал, что авторы произведений целенаправленно создают в них концепцию нового типа героя – казака — христианина, идеального воина, который смысл своей жизни видит в защите христианского мира. По этой причине новой была и мотивировка захвата Азова: авторы повестей утверждают, что начинает сбываться пророчество о «русом роде», освободителе от мусульман Царьграда, и этим народом они считают себя. Материалы повестей логично, на конкретных событиях захвата Азова и его осады турками выстраивают концепцию исторической миссии казачества — стать инициаторами похода христиан на Царьград. Поход казаков на Азов — первый, удачный, благословенный свыше шаг в исполнении этой миссии, и долг России — присоединиться к инициаторам похода. Повести Азовского цикла, таким образом, можно рассматривать не только как памятники исторической беллетристики, созданные на основе воспоминаний свидетелей и участников событий. Они являются и удачной попыткой кардинальной «перекодировки» образа казака, который в большей части источников первой половины XVII века («Повесть о некоей брани, лежащей на благочестивую Россию», «Иное сказание», «Сказание Авраамия Палицына» и др.) изображается только как жестокий враг России.

Ключевые слова: повести Азовского цикла, образ казака в произведениях Смутного времени, перекодировка образа казака в повестях Азовского цикла.

M. V. Melikhov

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

The Image of a Cossack in Literary Works of the Time of Troubles and Stories of the Azov Cycle: Fictions or Facts of Life

The article examines the ideological features of the cycle of stories about the conquest of the Turkish fortress Azov by the Zaporozhye Cossacks in 1637 and about their "sitting" in the siege in 1641. The analysis of the texts showed that the authors of the works purposefully create in them the concept of a new type of hero – a Christian Cossack, an ideal warrior who sees the meaning of his life in protection of the Christian world. For this reason, the motivation for the seizure of Azov was also new: the authors of the stories claim that the prophecy about the "Russian race", the liberator from the Muslims of Tsargrad, is beginning to come true, and they consider themselves to be this people. The capture of Azov is the first, successful, blessed step in the fulfillment of this mission, and it is Russia's duty to join the initiators of the campaign. The stories of the Azov cycle, therefore, can be considered not only as monuments of historical fiction, created on the basis of the memories of witnesses and participants of the events. They are also a successful attempt to radically "recode" the image of the Cossack, which in most of the sources of the first half of the 17th century ("The Story of a certain battle against pious Russia", "Another Legend", "The Legend of Avraamiy Palitsyn", etc.) is depicted only as a cruel enemy of Russia.

Keywords: *of the Story of the Azov cycle, the image of a Cossack in the works of the "time of troubles", recoding of the image of a Cossack in the stories of the Azov cycle.*

Введение. Повести о взятии турецкой крепости Азов запорожскими казаками в 1637 году и осадном сидении в крепости в 1641 году — пять самостоятельных произведений, повествующих о событиях 1637—1641 годов. Они были созданы до 70—80-х годов XVII века, при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче. Две из по-

вестей — «историческая» и «поэтическая» – отличаются достоверностью, почти документальностью. Источником сведений о самих событиях (захвате города и «осадном сидении», о главных героях и, по всей вероятности, и об авторах произведений) являются сами повести, а также немногочисленные документы (войсковые отписки) об этих событиях. Новым (в сравнении с воинскими повестями предшествующей эпохи) в этих произведениях был прежде всего образ их главного героя — казака.

Методы исследования, теоретическая база. При исследовании использованы историко-литературный и сравнительно-исторический методы, семиотический анализ текстов о событиях Смутного времени и повестей Азовского цикла. Тексты всех привлекаемых к анализу произведений изданы, исследовались в них особенности истории текста, языка, источников (фольклорные и западноевропейские произведения), фиксировались отражение реальных событий XVIII века, своеобразие образа главного героя, пересечения с другими повестями. К анализу привлечены также и памятники древнерусской публицистики. Поэтика повестей Азовского цикла достаточно подробно исследована А. С. Орловым [1; 2; 3], А. Н. Робинсоном [4; 5], М. Д. Каган [6; 7; 8; 9] и многими другими исследователями. А. С. Орлов прокомментировал степень достоверности каждой из них, их художественное своеобразие, составил своеобразный словарь формул воинского повествования с древнейших времен и до XVII века, до азовских повестей, завершающих историю этого жанра в русской литературе. Повести исследованы к настоящему времени достаточно подробно и большинством историков признаны надежными источниками информации о взятии Азова казаками и осады города турками.

Результаты исследования. Повести Азовского цикла значительно расширили галерею портретов героев произведений древнерусской литературы: идеальным воином и христианином в них

становится не князь или знатный дружинник (как это было принято в воинских повестях), а бесстатусный казак, изгой, и его войско – Войско Донское. При создании образа героя-казака авторами повестей используется традиционный арсенал художественных средств воинских повестей, включающий немногочисленные цитаты из Евангелия, чудеса, эпизоды с небесной помощью во время сражений и т. п.

Образ казака в русской литературе до появления повестей Азовского цикла не был однозначным. Упоминания о казаках (как о донских, так и запорожских) в официальных источниках до 30-х годов XVII века были в основном негативными, почти никогда и никто не считал их реальными подданными русских царей, а территорию, на которой они жили, Россией. Даже переговоры с ними Москва осуществляла через Посольский приказ. Но тем не менее через все повести Азовского как главная проходит тема единства казаков с Московским государством, они постоянно называют себя подданными именно русского царя, благородными защитниками интересов «третьего Рима» — Москвы, инициаторами похода на Стамбул и Иерусалим.

Казаки, как донские, так и запорожские, были активными участниками всех военных событий Смутного времени, но в памяти современников оставили неоднозначный, чаще – кровавый след. Их меньшая часть приняла сторону московского царя, большая — сражалась в войсках самозванцев, особенно много их было в лагере «тушинского вора». Именно казаки составляли основную часть войска Лжедмитрия I, где их было даже больше, чем поляков и наемников. Так, на Дону в 1613 году оставалось всего 1888 человек, остальные активно участвовали в военных действиях [10, с. 8]. Жестокость казаков в отношении к жителям России вызывала возмущение даже у иностранцев, союзников Лжедмитрия. Именно они составляли наиболее подготовленную к военным действиям часть

войск самых известных бунтовщиков XVII и XVIII столетий, земляков-донцов Степана Разина, Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева.

Казаки совершали набеги не только на турецкие владения, на Азов и Крым, но и на пограничные районы России, захватывали местных жителей и продавали их в Крым в рабство. Например, в грамоте царя Михаила Федоровича на Дон от 22 октября 1625 года содержится прямое обвинение запорожцев и донцов в том, что они спровоцировали поход турецких войск на Польшу и Литву: «А про запорожских казаков вам ведомо, какия они грубости починили нашему государству: города многие поимали и людей побили, да не токмо что нашему государству зло починили, и всю землю разоряют: недавно то было, что они у Турскаго на море города повоевали и поимали, а турской Асманъ Салтанъ противъ того, пришедъ в Полшу и Литву, многие земли разорилъ и повоевалъ и толко бѣ въ то время не поспѣла зима и турской бы и всю Полшу и Литву завладѣлъ и до конца разорилъ, и въ тѣ поры побито казаков запорожскихъ боле 30 тысячъ» [11, с. 42].

Агрессивность казаков, их готовность к активному участию в любой «смуте» доказали как России, так и Турции и Крыму, что они — реальная сила, с которой нельзя не считаться. С ними, как и с правителями иностранных государств, русские цари заключали договоры, отправляли на Дон посольства. Москва отправляла на Дон порох, оружие и сукно, требуя взамен охраны и сопровождения русских и турецких посольств из Москвы в Стамбул или Крым и обратно. Но полностью подчинить казаков у Москвы получалось не всегда. Так, в 1614 году казаки были признаны военно-служилым сословием, им было прислано царское знамя, но тем не менее присягу царю они не принесли [10, с. 9].

Интересы казаков и России совпадали далеко не всегда. Например, в 1620-е годы Москва настаивала на прекращении набегов ка-

заков «за зипунами» на Персию и Турцию, но после того, как крымские татары активизировали свои набеги на юг России, запрет был снят. Неудачей закончилась попытка Москвы заставить казаков совместно с турками воевать с Польшей: они категорически отказались идти против христиан (пусть и католиков) в союзе с неверными [12, с. 22]. Царь Михаил Федорович неоднократно был вынужден оправдываться перед Стамбулом за набеги казаков на окрестности Азова, искренне (или лицемерно) признаваясь в своем бессилии контролировать их: «Донские казаки указа нашего не слушают... мы пошлем на них рать свою и велим их с Дону сбить» [12, с. 11]. Охлаждения в отношениях могли быть достаточно серьезными: в 1626 году казаки в послании в Москву прибегали к открытому шантажу и угрожали перейти «в турецкого царя землю» [13, с. 63—65]. Примеров далеко не христианских и не патриотических действий казаков в отношении к России достаточно много. В 1629 году, например, за «ратные» подвиги на пограничных территориях России они были отлучены от церкви [12, с. 21]. В 1634 году, во время похода на Крым, казаки безжалостно грабили и убивали не только местных жителей, татар и ногайцев, но и христиан, среди убитых оказался даже армянский священник. Более гуманно в этой ситуации поступили турки: в виде исключения пострадавшим от набега казаков местным жителям специальным фирманом султана был снижен подушевой налог [14, с. 137, 139]. В 1630 году, накануне Азовских событий, из-за нежелания казаков отказаться от походов на турок и татар отношения между Москвой и Доном на некоторое время вообще прекратились, что происходило неоднократно на протяжении XVII столетия: казаки всегда преследовали собственные интересы. Так, они могли добровольно переходить в Азов или Крым «на жалованье», а после службы там возвращаться на Дон, что никем не воспринималось как измена. Наказание было формальным: их заставляли брить головы и временно лишали защиты Войска Донского по войсковому праву, разрешая проживать на своей

территории. Турки тоже могли переходить в Войско Донское, принимать православие и пользоваться равными с казаками правами [15, с. 230]. Уже в 1640-е годы донские казаки самостоятельно, без консультаций с Москвой, заключали с азовцами мирные соглашения или объявляли войну, посылая «розмирные» грамоты [16, с. 179]. Казаки посещали город, торговали и обменивались информацией с турками, в частности — сообщали им содержание переписки с Посольским приказом [15, с. 232].

Особой агрессивностью в отношении к России донские казаки отличились в конце XVII — начале XVIII века, когда нападали (часто — в союзе с ногаями и турками) на российские земли: они грабили купеческие и даже посольские караваны, осаждали крепости, захватывали и продавали в рабство жителей приграничных территорий [17, с. 496—497]. В конце 1680—1690-х годов (при царевне Софье и царе Петре Алексеевиче) несколько сотен донских казаков переселились в Крым и приняли крымское подданство, перебирались на Кавказ, где добровольно становились подданными турецкого султана. В русско-турецкой войне 1710—1711 годов запорожские казаки воевали уже на стороне Турции против России и т. п. [18, с. 62]. Тот факт, что османы взяли казаков под защиту от России отмечают и турецкие историки [19, с. 42].

Приведенные выше примеры из разных произведений первых десятилетий XVII века едины в своем мнении: казаки были серьезными врагами России и даже, как об этом сообщает «Повесть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россию», именно их ставленником был Лжедмитрий II: «Изъ своихъ же они, казацы, етера нарекоша царьскимъ именованием, росийскимъ царевичемъ Димитриемъ всеа Росии, умысля своимъ злохитрствомъ, хотя Росийское государство разхитити и себѣ многое богатство тлѣемое вѣка сего приобрѣсти и восхитити, небеснаго ж богатства отнюдь очюждени быша. И совокупя множество воинъ, поляковъ, и

литвы, и угрянъ, и черкасовъ запорожскихъ и прочихъ языкъ, пришедше подъ царствующий градъ Москву и сташа отъ Москвы 12 верстъ по Можайской дорогѣ, именуемо весь Тушино, понеже то мѣсто велми крѣпостно, и учиниша тамо съ таковымъ злохитрственнымъ своимъ царемъ, лживымъ царемъ Дмитриемъ свои литовские табары» [20, стб. 252].

В свете даже перечисленных выше фактов (мы не претендуем на воссоздание полной картины российско-казацких отношений) очевидно, что повести Азовского цикла — историко-беллетристические произведения, в которых на первом плане политические цели, обусловленные желанием исправить репутацию казаков в глазах царского двора и общественного мнения, на втором — литературные, направленные на сохранение не в устной, а в письменной форме описания своего реального подвига. Литературные достоинства повестей, обусловленные высоким профессионализмом авторов, несомненны, что было давно доказано в работах названных выше исследователей. Можно предположить, что для самих казаков важнее литературных были публицистические задачи произведений, в соответствии с которыми авторы не просто знакомили читателя с эпохальным подвигом Войска Донского — захватом неприступной крепости Азов, но и примером доказывали факт защиты казаками интересов и российских границ, и православного мира в целом. О героизме казаков в битвах с врагами России они докладывали не только подьячим посольского приказа (туда уходили официальные послания, расспросные речи и отписки), но и обычным россиянам в привычной сказочно-книжной форме. Высокий профессионализм авторов повестей, знание ими канонов древнерусской воинской повести и фольклора позволили создать историко-беллетристические произведения, идеализирующие нового для древнерусской литературы типа героя — казака, историческая миссия которого – освобождение Царьграда, а затем и Иерусалима.

Сравним, как эта цель миссии была сформулирована в исторической и поэтической повестях:

«Историческая» повесть	«Поэтическая» повесть
А егда богу изволшу, восхоте на них, окаянных, послати свой праведный гнев, и вложи волному казачеству, всему великому Донскому Войску, бог ревность в сердца идти под град Азов и взятии его, и всю бусурманскую веру искоренити» [21, с. 48]	А все то мы применяемся къ Еросалиму и Царюграду. Хотетца нам також взяти Царьград, то государство было христианское [22, с. 67]. (молитва казаков после штурма) Государь-свет, помощник наш, Предтеча Христов Иоанн! По твоему светову изволению разорили мы гнездо змиево, — взяли Азов град... [22, с. 76]

Концепция повестей о казаках как о народе, избранном Богом для похода на врагов православия, доказывается повествовательным материалом всех произведений цикла, взаимно дополняющих друг друга. Так, «Историческая» повесть начинается с обстоятельного «исторического» комментария, обосновавшего законное право христиан на город Азов: «Сей убо бяше град Азов, поставлен бе от истинныя православныя христианския веры от греческаго языка ...при апостоле Павле» [21, с. 47], этот «факт» уже можно было опустить в других повестях.

В повестях Азовского цикла создается образ казака, не имеющий ничего общего с героем произведений Смутного времени — идеального христианина и отважного воина, не щадящего своей жизни в борьбе с врагами веры и России. Принимая в расчет приведенные выше факты, обратимся к текстам повестей Азовского цикла. Причина выбора именно казаков «мечом Божиим» на турок

объясняется, по всей вероятности, тем, что их образ жизни и они сами как воины соответствуют модели истинного христианина, сформулированной в Нагорной проповеди. Возможно, что цитата из Евангелия от Матфея, которая с незначительными отклонениями от первоисточника воспроизведена в «Поэтической» повести (монолог казаков, рассуждающих о том, что о них не заботится московский царь и всю надежду они вынуждены возлагать только на Бога) и узаконивает специфический образ жизни и идеологию вольного, не прикрепленного к земле (не сеющего и не пахущего) воинского братства:

«Поэтическая» повесть	Мф. 6: 26
Кормит нас, молодцов на поли Господь Бог своею милостию во дни и в ночи зверми дивими, да морскою рыбою. Питаем ся мы, аки птицы небесныя: ни сеем, ни орем, ни в житни- цы збираемъ [22, с. 68]	Воззрите на птицы небесныя, яко не съютъ, ни жнут, ни соби- раютъ в житницы (Мф. 6: 26)

Наиболее важным и даже в какой-то мере революционным достижением идеологии повестей можно считать сформулированную в них концепцию сюзеренитета-вассалитета: казаки признают себя вассалами только Христа и Иоанна Предтечи, на которых и надеются, а на помощь царя и Москвы (к которым, тем не менее, постоянно взывают о помощи) не рассчитывают. Особенно часто эта тема одиночества казаков, оставленных их исторической родиной перед могучими врагами, появляется в «Поэтической» повести: «Толко себе чаем помощи от вышняго бога. Прибежим, бедные, к своему помощнику предтечеву образу, пред ним, светом, розплачемся слезами горючими...» [22, с. 75—76]. О том же самом — об отсутствии помощи и поддержки из России — указывают турки казакам в своих к ним посланиях: «... от царства вашего Московского никакой вам

помощи и выручки не будет, ни от царя, ни от человек русских» [22, с. 64]. Эта же тема — нежелания Москвы помогать осажденным — есть и в «Сказочной» повести, где турки, предлагая осажденным казакам сдать осажденный город на самых выгодных для них условиях, пишут: «И не будет вам выручки от царя Московского» [23, с. 95]. Казаки, отвечая туркам на их письма, признают себя рабами (холопами) русского царя, но в то же время акцентируют внимание на своей независимости (вольности), что в контексте фразы звучит двусмысленно: «А *холопи* мы природные государя царя христианского царства Московского, а прозвище наше вечное казачество донское *волное* и безстрашное» [22, с. 66].

С большим, чем Москва, уважением к казакам относятся турки, о чем сообщают их послания в осажденный город: враги восхищаются воинскими умениями казаков, предлагают им оставить Азов и унести с собой все, что они награбили в городе, и оружие, предлагают большие деньги за «мертвые тела» погибших при штурмах воевод. Например, в «Сказочной» повести турки предлагают казакам самим назначить выкуп за погибших: («...берите вы серебра и злата сколько...надобно» [23, с. 95, 104], и за то, чтобы казаки освободили Азов на почетных условиях (они были согласны отпустить казаков со всеми трофеями и оружием). Но казаки не принимают это выгодное предложение, они не знают компромиссов и не имеют жалости к врагам. Так, они не обменивают пленных турок на пленных казаков, как предлагают турки, а безжалостно уничтожают врагов, о чем сообщает, например, «Сказочная» повесть: 500 человек «повырубили и в море пометаша» [23, с. 107].

Цитата из Евангелия от Матфея становится одним из аргументов, обосновывающих соответствие казаков образу защитников России и христианской веры. Эпизоды воинского плана доказывают, что казаки живут по христианским догматам: они бессребре-

ники, и, несмотря на необычный для крестьянской земледельческой России вольный образ жизни, исполняют воинский долг — активно, не щадя своих жизней, борются с врагами православия.

Авторитет Евангелия обеспечивал им право быть такими, какие они есть, а самое главное — не бояться ни Божьего суда, ни суда его помазанника — русского царя. Необходимо принимать во внимание ее контекст в шестой главе и в Евангелии в целом: выше находится молитва «Отче наш» (Мф. 6: 9—15), в которой формулируются основополагающие принципы жизни во Христе, христианские заповеди о добровольном и сознательном отречении от мира и отказе от мирских ценностей, о принципиальном выборе своего жизненного пути «во Христе».

Относительно искренности авторов повестей цикла, постулирующих свою преданность Москве как политическому и духовному лидеру православного мира есть и противоположное мнение: Д. В. Сень считает, что намного ближе казакам были Крым и Константинополь [24].

Сама концепция всех повестей цикла формулируется авторами профессионально и в теологическом плане безупречно. Фактический материал и цитаты из книг Священного писания, подбираемые авторами повестей, вполне соответствуют контексту Нагорной проповеди и доказывают именно тему верности в жизни главной евангельской заповеди о жизни «во Христе» и об отречении от мира с его ценностями. Казаки — честные рыцари Христовы, живущие по его заповедям, изложенным в Евангелии, бескорыстно служащие Ему. Они не имеют за душой ни имущества, ни родственников, а только братьев-единомышленников — казачество Войска Донского. Эта же мысль — спасения души — в повестях формулируется в двух вариантах: душу казаки спасают, погибая в бою с неверными или, если им довелось остаться в живых, в монастыре, куда уходят оставшиеся в живых.

Тема казаков как исполнителей исторической миссии по спасению христианского мира и освободителей захваченных мусульманами христианских городов становится рефреном во всех повестях: «А все то мы применяемся къ Еросалиму и Царюграду. Хотетца нам також взяти Царьград, то государство было христианское» [22, с. 67], она вводится иногда даже в «монологи» турок. В той же «Поэтической» повести турки восклицают о казаках: «О, люди Божии, Царя Небеснаго! Никем в пустынях водими или посылаеми!...» [22, с. 62]. Образ казака на протяжении всего повествования во всех повестях идеализируется: он — защитник России и православия, активный борец с врагами всей Русской земли и русского царя, бесребреник, который воюет не ради «зипунов», а ради обеспечения мирной жизни всей Русской земле. Но на самом деле, как об этом свидетельствует большая часть источников, казаки вовсе не желали жить по законам Русского государства и ненавязчиво, в том числе и с помощью ссылок на Евангелие, доказывали свое право на особый статус. Обоснованию темы казаков как защитников интересов России и православной веры и служат все повести Азовского цикла. Казаки благополучно устояли перед многочисленными искушениями, главное из которых — сребролюбие: не поддались на уговоры турок и не сдали им за Азов. Этот мотив неоднократно и на разном материале художественно оформляется в повестях. Так, турки, уговаривая осажденных, неоднократно соблазняют казаков «несчетным богатством», но те гордо отказываются вести переговоры с врагами христианства: «Обогатит вас, казаков, он, государь турецкой царь, многим несчетным богатством, учинит вам, казаком, у себя во Цареграде покои велики во веки, положит на вас на всех казаков плате свое златоглавое, печати подаст вам богатырские золоты с царевым клеймом своим» [22, с. 64—65].

Заключение. Активное участие казаков Войска Донского в событиях Смутного времени на стороне Лжедмитрия I и Лжедмитрия

II, их жестокость в отношении к жителям окраин России зафиксированы практически всеми произведениями Смутного времени, но ни в одном из них ничего не сообщается о них как о защитниках рубежей России. Нет сомнений, что одной из целей, возможно, и главной целью была корректировка общественного мнения. Авторы повестей Азовского цикла создавали свои произведения с важной для них целью — убедить российское общественное мнение и, безусловно, не только царя Михаила Федоровича, но и Алексея Михайловича в том, что казаки — не просто праведные христиане, живущие по евангельским заповедям, а избранники Божии, цель которых — выступить инициаторами похода христианского мира против Османской империи. Здесь же, в повестях, есть намек на причину, по которой поход не удался: это отсутствие поддержки со стороны Московского государства. Казаки Войска Донского — умелые и отважные борцы с врагами Русской земли и русского царя (что подтверждается фактом захвата неприступной крепости), бесребреники, а не грабители, как о том свидетельствуют повести Смутного времени. Тщательно отобранные из реального военного быта факты целенаправленно перерабатывались в соответствии с идеализирующими установками древнерусских воинских повестей. Эти сюжетные материалы должны были опровергнуть сложившееся в обществе мнение о казаках как о врагах России. Повести Азовского цикла целенаправленно создают собирательный образ идеального воина, избранного высшим промыслом для начала активных действий против завоевателей Царьграда и Иерусалима.

Повести Азовского цикла значительно расширили галерею портретов героев произведений древнерусской литературы: идеальным воином и христианином в них становится не князь или знатный дружинник (как это было принято в воинских повестях), а бесстатусный казак, изгой, и его войско — Войско Донское.

Библиографический список

1. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Императорское общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1902. 50 с.
2. Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение в 1641 г.) : тексты. М.: Синодальная типография, 1906а. 236 с.
3. Орлов А. С. Сказочные повести об Азове. Варшава: Варшавский учебный округ, 1906б. 270 с.
4. Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1948. Т. 6. С. 24—59.
5. Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1949. Т. 7. С. 98—130.
6. Каган М. Д. Повесть о Азове историческая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. С. 63—64.
7. Каган М. Д. Повесть о Азове особая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. С. 64—66.
8. Каган М. Д. Повесть о Азове поэтическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. С. 66—70.
9. Каган М. Д. Повесть о Азове сказочная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. С. 70—71.
10. Сизенко А. Г. Казаки и казачьи войска царской России. Ростов н/Д.: Издательский дом «Владис», 2011. 448 с.
11. Грамота царя Михаила Федоровича 1625 г. Октября 22 // Прянишников И. Материалы для истории войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, Войсковая типография, 1864. С. 39—45.
12. Арефин С. Я. Донское казачество прежде и теперь: краткая история донских казаков. М.: Типография Сокол, 1907. 63 с.
13. Сень Д. В. Казаки-перелеты // Родина. 2010. № 3. С. 63—65.
14. Ефимов А. В. Христианское население Крыма в 1630-е годы по османским источникам // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». М., 2013. № 9 (110). С. 134—143.

15. Сень Д. В. Донское казачество и османский Азов: культура пограничных отношений // Казачество в тюркском и славянском мирах : кол. монография / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Казань, 2018. С. 225—234.

16. Сень Д. В. Вынужденное соседство: традиции «замирения» / розмирения» Войска Донского и османского Азова // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 11—12 мая 2018 г.). Ростов н/Д, 2018. С. 170—187.

17. Сень Д. В. «Крымской хан принял их ... с великою любовью»: казачество Крымского ханства (Кубани) в конце XVII—XVIII в. // Казачество в тюркском и славянском мирах : колл. монография / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов. Казань, 2018. С. 489—509.

18. Сень Д. В. «По приказу превысокова хана дан сей указ»: Крымское ханство и казачество // История: факты и символы. Рецензируемый научно-теоретический и прикладной журнал. Елец, 2015. Вып. 2 (3). С. 72—89.

19. История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Экмеледдина Ихсаноглу. М.: Восточная литература РАН, 2006. Т. 1. XXXII+602 с.

20. Повесть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россию // Русская историческая библиотека, издаваемая императорской археографической комиссией / под ред. С. Ф. Платонова. СПб.: Типография И. Н. Скороходова. Т. 13. Стб. 148—260.

21. «Историческая» повесть об Азове / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 24—59.

22. «Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении 1642 г. / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57—82.

23. «Сказочная» повесть об азовском взятии и осадном сидении / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 83—114.

24. Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношении с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XVIII в.). Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 280 с.

References

1. Orlov A. S. *Ob osobennostyakh formy russkikh voinskih povestey (konchaya HVII v.)* [On the peculiarities of the form of Russian military tales (ending the 17th century)]. Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey Rossijskikh pri Moskovskom universitete, 1902. 50 p. (In Russ.)
2. Orlov A. S. *Istoricheskie i poeticheskie povesti ob Azove (vzyatie 1637 g. i osadnoe sidenie v 1641 g.). Teksty* [Historical and poetic stories about Azov (capture in 1637 and siege in 1641). Texts]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1906. 236 p. (In Russ.)
3. Orlov A. S. *Skazochnye povesti ob Azove* [Fabulous stories about Azov]. Varshava: Varshavskij uchebnyj okrug, 1906. 270 p. (In Russ.)
4. Robinson A. N. Poetic tale of Azov and the political struggle of the Don Cossacks in 1642. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1948, vol. 6, pp. 24—59.
5. Robinson A. N. Genre of a poetic story about Azov. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1949, vol. 7, pp. 98—130. (In Russ.)
6. Kagan M. D. A historical story about Azov. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus. XVII century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Part 3, pp. 63—64. (In Russ.)
7. Kagan M. D. The story of Azov is special. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus. XVII century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Part 3, pp. 64—66. (In Russ.)
8. Kagan M.D. The story of Azov poetic. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus. XVII century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Part 3, pp. 66—70. (In Russ.)
9. Kagan M.D. The tale of Azov is fabulous. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus. XVII century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Part 3, pp. 70—71. (In Russ.)
10. Sizenko A. G. *Kazaki i kazach'i vojska carskoj Rossii* [Cossacks and Cossack troops of Tsarist Russia]. Rostov-na-Donu, Izdatel'skij dom «Vladis», 2011. 448 p. (In Russ.)
11. Charter of Tsar Mikhail Fedorovich 1625 October 22. *Pryanishnikov I. Materialy dlya istorii vojska Donskogo. Gramoty* [Materials for the history of the

Don army. Diplomas]. Novocherkassk, Military Printing House, 1864, pp. 39—45. (In Russ.)

12. Arefin S. Ya. *Donskoe kazachestvo prezhde i teper': kratkaya istoriya donskih kazakov* [Don Cossacks before and now: a short history of the Don Cossacks]. Moscow, tipografiya Sokol, 1907. 63 p. (In Russ.)

13. Sen' D. V. Kazaki-perelety. *Rodina* [Homeland], 2010, no. 3, pp. 63—65. (In Russ.)

14. Efimov A. V. Christian population of Crimea in the 1630s according to Ottoman sources. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoricheskie nauki. Regional'naya istoriya. Kraevedenie»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Historical Sciences. Regional history. Local history"]. Moscow, 2013, no. 9 (110), pp. 134—143. (In Russ.)

15. Sen' D. V. Don Cossacks and Ottoman Azov: the culture of border relations. *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirah koll. monografiya* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: col. monograph] / otv. ed. V. V. Gribovsky, V. V. Trepavlov / Institute of Archeology named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Kazan, 2018, pp. 225—234. (In Russ.)

16. Sen D.V. Forced neighborhood: traditions of "reconciliation / reconciliation" of the Don and Ottoman Azov troops. *Vojna i voinskie tradicii v kul'turakh narodov YUga Rossii (VII Tokarevskie chteniya): Mat-ly Vseros. nauchno-prakt. konferencii (g. Rostov-na-Donu, 11—12 maya 2018 g.)* [War and military traditions in the cultures of the peoples of the South of Russia (VII Tokarev readings): materials of the All-Russian. scientific-practical conf. (Rostov-on-Don, May 11—12, 2018)]. Rostov-on-Don, 2018, pp. 170—187. (In Russ.)

17. Sen D. V. "The Crimean Khan received them ... with great love": the Cossacks of the Crimean Khanate (Kuban) at the end of the 17th — 18th centuries. *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirah: koll. monografiya* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: coll. monograph] / otv. ed. V. V. Gribovsky, V. V. Trepavlov; Institute of Archeology. Kazan, 2018, pp. 489—509. (In Russ.)

18. Sen D.V. "By the order of Vysokov khan, this decree was given": Crimean Khanate and Cossacks. *Istoriya: fakty i simvoly. Recenziruemyj nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal* [History: facts and symbols. Peer-reviewed scientific-theoretical and applied journal]. Yelets, 2015, issue. 2 (3), pp. 72—89. (In Russ.)

19. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i civilizatsii* [History of the Ottoman state, society and civilization], edit. Ekmeleddin Ihsanoglu. Moscow, Vostochnaya literatura RAN, 2006, vol. 1, XXXII+602 p. (In Russ.)

20. A tale of some kind of battle against pious Russia. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya imperatorskoj arheograficheskoy komissiej* [Russian Historical Library, published by the Imperial Archaeographic Commission] / ed. S. F. Platonov. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorohodova, vol. 13. pp. 148—260. (In Russ.)

21. “Historical” story about Azov / prepared to print A. N. Robinson. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military stories of Ancient Russia] / ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, pp. 24–59. (In Russ.)

22. “Poetic” story about the Azov siege seat in 1642 / prepared to print A. N. Robinson. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military stories of Ancient Russia] / ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, pp. 57—82. (In Russ.)

23. “Fairy tale” story about the Azov capture and siege sitting / prepared to print A. N. Robinson. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military stories of Ancient Russia] / ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, pp. 83—114. (In Russ.)

24. Sen' D. V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnoshenii s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII v. — nachalo XVIII v.)* [Cossacks of the Don and the North-Western Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea region (second half of the 17th century — the beginning of the 18th century)]. Rostov-on-Don: izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2009. 280 p. (In Russ.)